

ОБРАЗЦЫ

НРАВСТВЕННОГО ЛИДЕРСТВА

ТОМАС МОР (1478–1535)
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН (1918–2008)
ЭРИК ЛИДДЕЛЛ (1902–1945)
ЖАННА Д'АРК (1412–1431)
МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ (1929–1968)
ПЁТР СТОЛЫПИН (1862–1911)
ЖЕРОМ ЛЕЖЕН (1926–1994)
ЭДУАРД МИШЛЕН (1859–1940)
МАТЬ ТЕРЕЗА (1910–1997)
КОРАСОН АКИНО (1933–2009)
ХЕРБ КЕЛЛЕХЕР (1931–2019)
ДАРВИН СМИТ (1926–1995)
ХОСЕМАРИЯ ЭСКРИВА (1902–1975)
АЛЕКСАНДР СУВОРОВ (1730–1800)
КУРМАНЖАН ДАТКА (1811–1907)
ДОКТОР ГААЗ (1780–1853)
КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ (827–869 и 815–885)
СТАНИСЛАВ ПЕТРОВ (1939–2017)
ЧЕСЛИ САЛЛЕНБЕРГЕР (1951–X)

ТОМАС МОР (1478–1535)

«Совесть! Я пожертвовал всем, ради совести».

В своем качестве высшего сановника государства (он был лорд-канцлером английского короля Генриха VIII) Томас Мор смотрел на политику, как на служение, требующее серьезной подготовки. Он был прекрасным юристом и историком, но больше всего он любил исследовать человека, т.е. человеческую природу с ее силами и слабостями. Каждое утро на протяжении 14 лет он посвящал много часов изучению классической традиции с целью найти решения вечных проблем жизни человека.

Хотя он был близким другом короля, Томас отказался принести присягу, признававшую Генриха самопровозглашенным главой основанной им новой английской Церкви. Мор был обезглавлен. Хотя с ним жестоко обращались во время его пятнадцатимесячного заточения в лондонском Тауэре и несмотря на отчужденное отношение со стороны короля, епископов Англии, большинства друзей и всей его семьи, сэр Томас остался верен своей совести.

«Совесть» – вот слово, которое первым приходит на ум, когда думаешь о Море. На сделку с совестью Томас Мор не пошел, даже перед лицом эшафота. Мор пожертвовал всем, ради совести. Он не дал своему хозяину, которого он любил, управлять своей совестью. Он отказался от власти, успеха и легкой жизни ради вечных принципов, без которых невозможно строить общество, достойное человека.

Подобно Сократу, Томас отказался идти на поводу у мнения толпы. Он оказался единственным светским лицом во всей Англии, не пожелавшим преклониться перед королевской волей.

«Томас Мор – новый тип человека, своеобразный поворотный пункт... Его фигура актуальнее сегодня, чем в любой другой момент после его смерти; актуальнее даже, чем в великий час его мученичества». Так писал в 1929 г. английский мыслитель Гильберт Честертон. И добавил: «Но всего актуальнее эта фигура будет примерно через сто лет».

Фильм о Томасе Море: «Человек на все времена» (англ. A Man for All Seasons) — британская историческая драма, снятая Фредом Циннеманном в 1966 году по одноимённой пьесе Роберта Болта. Картина завоевала две премии Московского кинофестиваля (1967), шесть премий «Оскар» (1967), семь премий BAFTA (1968) и множество других наград.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН (1918–2008)

«Я хотел стать памятью народа, который постигла большая беда». “Я – не я, и моя литературная судьба – не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих лагерных открытий».

Александр Исаевич Солженицын – русский писатель и историк, обличитель советского коммунизма и западного либерализма.

Солженицын обладал высоким чувством собственного достоинства в те времена, когда Советское тоталитарное государство это достоинство подавляло в каждом человеке и до невиданной раньше степени.

Солженицын сам определил свою жизненную миссию: «Я хотел стать памятью народа, который постигла большая беда». Солженицын хотел стать могучим, универсальным голосом десятков миллионов людей – жертв коммунизма. Он писал: «Всё напечатаю! Всё выговорю! Весь заряд, накопленный от лубянских боксов через степлаговские зимние разводы, за всех удушенных, расстрелянных, изголодавшихся и замерзших!»

Солженицын решил провозглашать истину до тех пор, «пока теленок шею свернет о дуб или пока дуб затрещит и свалится. Случай невероятный, но я очень его допускаю».

Писатель, поставивший себе такую цель в такое время и в такой стране, – это было для России и для всего человечества величайшим знаком надежды. Русская поэтесса Ольга Седакова, читавшая Солженицына в самиздате, утверждает: «Этим новым знанием (знанием о “размахе” зла, вызванного коммунизмом), которое могло бы убить неготового человека, сообщение Солженицына никак не исчерпывалось. Оно говорило – своим существованием, своим ритмом рассказа – другое: оно давало нам со всей очевидностью пережить, что даже такое зло, во всем своем всеоружии, не всесильно! Вот что поражало больше всего. Один человек – и вся эта почти космическая машина лжи, тупости, жестокости, уничтожения, заметания всех следов. Вот это поединок. Такое бывает раз в тысячу лет. И в каждой фразе мы слышали, на чьей стороне победа. Победа не триумфаторская, какие только и знал этот режим, – я бы сказала: Пасхальная победа, прошедшая через смерть к воскресению. В повествовании “Архипелага” воскресали люди, превращенные в лагерную пыль, воскресала страна, воскресала правда... Эту взрывающую мирозданье силу воскресения никто, вероятно, так передать не мог. Воскресение правды в человеке – и правды о человеке – из полной невозможности того, чтобы это случилось».

Современники Солженицына, восхищенные его писательским даром, не могли скрыть своего потрясения после личного знакомства. Кажется, масштабность его личности первая постигла поэтесса Анна Ахматова. «Све-то-но-сец!», – восклицала она. – Мы и забыли, что такие люди бывают... Поразительный человек... Огромный человек...»

Репутация Солженицына была высока дома и за границей, пока он ограничивался критикой Сталина, как, например, в ранней работе «Один день Ивана Денисовича». Хрущеву эта книга понравилась, он же вел кампанию против культа личности Сталина. Книга понравилась и западным интеллектуалам, которые восхищались Октябрьской революцией, но считали, что Сталин предал ее. В своих последующих трудах Солженицын ясно показал, что он не принимает не только Сталина, но и Ленина, и Октябрьскую революцию. Он отвергал даже Февральскую революцию. И он, не колеблясь, написал открытое письмо советскому руководству, выражая свои неортодоксальные взгляды. В результате он подвергся гонениям не только со стороны советского режима, но и со стороны легионов западных интеллектуалов – многих из его бывших приверженцев, которые симпатизировали делу революции и ее безбожным целям. Когда Солженицын оказался в фактической ссылке на Западе, он встретился сначала с непониманием, а потом с ненавистью за отказ следовать господствующим в либеральном мире материалистическим трендам и лозунгам. Растущая армия его очернителей, неспособных принять правомочность мировоззрения, противоположного своему собственному, вскоре объявила его врагом всякой свободы и прогресса. К либеральной, как и к социалистической критике, Солженицын остался совершенно безразличен.

В своем выступлении в Ростовском университете 20 сентября 1994 года, Солженицын говорил: «Судьба человека — это его характер... Не внешние обстоятельства направляют человеческую жизнь, а направляет её характер человека. Ибо человек сам — иногда замечая, иногда не замечая — делает выбор и выборы, то мелкие, то крупные; мелкие выборы — несколько раз в день, вы даже не замечаете, что вы что-то выбрали, а на самом деле выбрали. Крупные выборы — вы над ними голову ломаете, советуетесь с кем-нибудь, мечетесь, как решить. И от выборов тех и других — решается ваша судьба».

В своих «Дневниках» о. Александр Шмеман, крупный русский богослов, писал о Солженицыне: «Невероятное нравственное здоровье. Простота. Целеустремленность. Носитель — не культуры, не учения. Нет. *Самой* России... Целеустремленность человека, сделавшего выбор. Этим выбором определяется то, *что* он слушает, а что пропускает мимо ушей. Слушает, берет, хватает то, что ему нужно. На остальное — закрывается... Несомненное сознание своей миссии, но именно из этой несомненности — подлинное смирение. Никакого всезнайства. Скорее — интуитивное всепонимание. Отвращение к «жеманной» культуре. Такими, наверное, были пророки. Это отменение всего второстепенного, сосредоточенность на главном. Но не «отвлеченная», не «идейная», а жизненная... Живя с ним (даже только два дня), чувствуешь себя маленьким, скованным благополучием, ненужными заботами и интересами. Рядом с тобою — человек, принявший все бремя *служения*, целиком *отдавший* себя, ничем не пользующийся для себя. Это поразительно. Для него прогулка — не отдых и не развлечение, а священный акт. Его вера — горами двигает! Какая цельность! Чудный смех и улыбка.... Величие Солженицына: он дает *масштаб*, и, проведя с ним один день, снова начинаешь ужасаться торжеству *маленького* в мире, слепоте, предвзятости и т.д.»

Еще в 1978 году в своей автобиографической повести известный детский писатель Леонид Пантелеев писал: «Не могу не вспомнить и не назвать имени Александра Исаевича Солженицына... Он первый, кто осмелился поднять голос не только против чудовищных жестокостей режима, но и в защиту веры... Солженицын же шумно и бесстрашно ворвался

в широкий русский (и не только русский, но и в украинский, и еврейский, и грузинский, и армянский, и белорусский) мир, явился верующим и неверующим и сказал: — Без Бога жить нельзя! ... Религиозность Солженицына пугала, а временами и отталкивала от него некоторых либеральных интеллигентов... Мне жаль этих людей. Среди них нет и не может быть ни одной крупной личности. Либеральствующая российская интеллигенция, безбожная, безвольная, исторически обанкротившаяся, позволившая случиться тому, что случилось,— она, эта интеллигенция, уходит в небытие... Не родился на нашей земле Солженицын, вряд ли возникла бы у меня мысль писать эти заметки. И не появились бы многие художественные произведения, статьи, памфлеты, стихи и песни, не засверкали бы и не прошумели многие имена, не будь Солженицына. Воистину Господь Бог послал его нам как учителя и наставника, словом и жизнью своею показывающего пример доброй жизни».

ЭРИК ЛИДДЕЛЛ (1902–1945)

«Бог сделал меня быстрым».

«Бог сделал меня быстрым», – повторял Эрик Лидделл, звезда шотландской легкой атлетики. Лидделл осознавал свой талант и не собирался зарывать его в землю. На парижской Олимпиаде он отказался бежать свою коронную дистанцию в 100 метров по религиозным соображениям: соревнование было назначено на воскресенье. Но это не

мешало ему усиленно тренироваться, чтобы участвовать в других соревнованиях, побить мировой рекорд в беге на 400 метров и выиграть золотую медаль.

«Бог сделал меня быстрым». В этих четырех словах – объяснение того, как великодушие и смирение идут рука об руку. Лидделл великодушно осознавал свой талант и смиренно понимал, что этот талант – не результат его личной деятельности, а дар Божий.

Лидделл преподавал нам важный урок: чем больше мы осознаем свое собственное величие, тем острее мы должны осознавать, что величие есть дар Божий. Великодушие без смирения – это не великодушие, а самообман, который обычно приводит к большим катастрофам в личной жизни.

В 1925 г. Лидделл уехал в Китай, где служил миссионером. В 1945 году он погиб в японском концентрационном лагере в Маньчжурии.

ЖАННА Д'АРК (1412–1431)

«Помоги себе сам, и Бог тебе поможет».

В 17 лет Жанна д'Арк стала главнокомандующим французской армии, изгнала английских захватчиков из Франции и добилась коронации наследного французского принца. В 19 лет она погибла на костре.

Жанна была человеком действия. По словам Честертона, английского мыслителя, «Жанна д'Арк не топталась на распутье, отбросив все пути, как Толстой, или приняв их, как Ницше. Она выбрала путь и ринулась по нему стремительно, как молния... Толстой воспел крестьян – она была крестьянкой. Ницше воспел войну – она воевала. Она выиграла у каждого из них; была добрей и смиренней Толстого, яростней Ницше».

Жанна д'Арк отнюдь не была лишь боевой женщиной, рьяной сторонницей действий и внешних поступков. Она была и глубокой созерцающей натурой. По сути, самая главная, самая поразительная ее черта – неразрывная связь между мистическим опытом и политической миссией.

Жанна – человек действия, но действует она не ради действия. Ее дела – это расширение ее собственного личностного бытия, плод осознания и утверждения ее собственного достоинства. Утверждение собственного достоинства – это общая характерная черта всех лидеров. Лидер сначала обретает возвышенное видение самого себя, а потом уже – видение того, что он хочет совершать.

Жанна д'Арк была великим лидером не потому, что вытеснила англичан с французской земли, а потому что изменила сердца миллионов своих соотечественников, вызвала духовное возрождение страны, погрязшей во мраке.

«Помоги себе сам, и Бог тебе поможет». Это известные слова Жанны. Она верила в Бога, но в то же время она верила в себя. Когда ее спрашивали, зачем ей нужна армия, если сам Бог решил освободить французский народ, она отвечала с простотой крестьянки и глубиной богослова: «Солдаты будут сражаться, и Бог даст победу».

Жанна не умела читать, не умела писать. Но была она очень благоразумной. На инсценированном суде она защищала себя с такой мудростью и силой, что это поражает и спустя 500 лет. Когда трибунал обвинил ее в том, что она оставила родной дом без согласия родителей, Жанна преподавала своим судьям великолепный урок начального богословия. Она ответила: «Имей я сотню отцов и сотню матерей, будь я дочерью короля, я бы и тогда ушла, ибо мне это велел Бог». В литургии святой Жанны д'Арк первое чтение – из книги Премудрости: «Через Мудрость я буду иметь славу в народе и честь перед старейшими, будучи юношею; окажусь проницательным в суде и в глазах сильных заслужу удивление. Когда я буду молчать, они будут ожидать, и когда начну говорить, будут внимать, и когда продлю беседу, положат руку на уста свои».

Жанна д'Арк была очень женственным лидером. Она именовалась “Жанной-Девой”, чтобы всем было понятно, что она женщина. Когда она не воевала, она шила и штопала. Жанна всегда стояла впереди своей армии, но никогда не использовала свой меч.

Жанна служила своим соотечественникам до смерти на костре. Ее подвиг потрясает своей мощью. В своей книге «Рождение Британии» англичанин Сэр Уинстон Черчилль написал о ней незабвенные слова: «Жанна д'Арк – это существо, настолько возвышенное над обычным человечеством, что человека такого масштаба мир не знал тысячу лет».

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ (1929–1968)

«Есть у меня мечта»

Мартин Лютер Кинг сыграл ключевую роль в Движении за Гражданские права афроамериканцев в США. В 1963 году, из своего заточения в Бирмингемской тюрьме он писал: «Если бы вы знали, что злобная толпа, когда ей этого захочется, может линчевать вашу мать и отца или утопить ваших сестер и братьев, если ей взбредет такой каприз; если бы вы видели, как исполненные ненависти полицейские с полнейшей безнаказанностью оскорбляют, пинают, жестоко избивают и даже убивают ваших друзей и соседей; если бы вы помнили, что подавляющее большинство из 20 млн. ваших братьев-негров задыхаются в нищете среди изобилия окружающего общества; ... если бы вы все это знали, вот тогда бы вы поняли, почему больше ждать нам невмоготу.»

Мартин Лютер Кинг проповедовал ненасилие, но он умел гневаться. Перед лицом несправедливости кротость неуместна. Нужен гнев, праведный гнев, он стимулирует мужество.

В том же самом письме из Бирмингемской тюрьмы Кинг пишет: «Много лет я слышу слово: “Подождите!”. Оно с монотонной надоедливостью звучит в ушах каждого негра. На деле это “подождите” почти всегда означало “никогда”... Я почти пришел к достойному сожаления выводу, что главный камень преткновения на пути негров к свободе – это не член Совета белых граждан и не куклуксклановец, а умеренный белый..., который самодовольно считает, что может устанавливать срок для освобождения другого человека; который верит в миф о времени и постоянно советует неграм “подождать более удобного момента”... Более трехсот сорока лет мы ожидали данных нам богом и конституцией прав... Я начинаю думать, что люди злой воли использовали время гораздо более эффективно, чем люди доброй воли. Нашему поколению следует покаяться не просто за едкие слова и действия плохих людей, но и за ужасное молчание хороших людей... Мы должны творчески использовать время и постоянно помнить, что время всегда пришло для добрых дел.”

Мартин Лютер Кинг говорит нам очень важную вещь: высшее зло – это не то зло, что совершают другие, а добро, которое мы лично не совершаем. Упустить возможность действовать (из страха или лени) – вот что заставляет великую душу более всего страдать.

Кинг воспитывал в себе безграничную смелость, он построил духовный характер на основе своего биологического темперамента. Несмотря на то, что он был меланхоликом, он предпринимал решительные действия. Всего лишь через несколько месяцев после написания своего знаменитого письма из Бирмингемского заточения, он организовал и возглавил «Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу». 300 тысяч человек прошли маршем к мемориалу Линкольна, где Мартин произнес свою историческую речь «У меня

есть мечта». В этой речи, которая считается одной из лучших речей в истории, он призвал американцев положить конец расизму.

Лидерство начинается с мечты. Лидеры – это мечтатели, претворяющие в явь свои мечты. Малодушное сердце мечтает, чтобы наслаждаться своей фантазией. Великодушное же сердце мечтает, чтобы действовать, чтобы служить людям делами.

3 апреля 1968 года Мартин Лютер Кинг выступил со своим известным и последним обращением. Он говорил: «Как и все мы, я хотел бы жить долго. У долгой жизни есть свои преимущества. Но сейчас меня это не волнует. Я просто хочу исполнить волю Господа. И Он разрешил мне достичь вершины горы. И я посмотрел вокруг. И увидел землю обетованную. Возможно, мне не суждено дойти до нее вместе с вами. Но хочу, чтобы вы знали сегодня, что наш народ достигнет этой земли. И я счастлив сегодня. Меня ничего не тревожит. Я никого не боюсь. Мои глаза уже видели величие Господа». На следующий день Кинга убили.

Мартин Лютер Кинг – великий лидер. Он мечтал смело, действовал напористо, служил неотступно. Он вселял в души афроамериканцев глубокое чувство собственного достоинства. Возвышая других, Мартин возвышался сам. Величие и служение – это и есть лидерство.

ПЕТР СТОЛЫПИН (1862–1911)

«Главная наша задача — укрепить низы. В них вся сила страны.»

В 1906—1911 годах политику определял волевой и решительный премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911).

Центральной реформой премьер-министр считал аграрную. После отмены крепостного права крестьяне, получившие личную свободу, не стали (в силу особенностей реформы) полноправными владельцами земли. Выкуп земель растянулся на полстолетия, и поэтому земельный вопрос оставался на протяжении десятилетий самым острым.

Инициатива многих работоспособных крестьян тормозилась общими условиями патриархальной жизни в деревне, малоземельем, а главное — властью общины над землей. Земля была общей, и община на своих сходах регулярно устраивала передел земель — перераспределение участков в зависимости от благосостояния семьи, количества едоков, качества почвы.

Целью реформы Столыпина было создание в течение 20 лет слоя состоятельных крестьян-собственников. В 1907 году он говорил в Государственной думе: «Цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность.»

В речи 1908 года по поводу законопроекта об устройстве крестьян он говорил: «Смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью: надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя.»

Реформа вызвала резкое сопротивление социалистов, которые не желали видеть, как царь осуществляет успешную реформу в пользу того электората, чьим недовольством они сами хотели воспользоваться. Противниками реформы оказались и могущественные землевладельцы. Они боялись, что сильное крестьянство положит конец многовековой общественной системе, являвшейся источником их власти и привилегий.

Сложно складывались отношения волевого Столыпина с Думой, где единого мнения об аграрной политике премьер-министра не было. Третьего июня 1907 года Столыпин добился роспуска казавшейся ему радикальной Второй думы, что было воспринято в обществе как

государственный переворот. Он же добился выборов по новой, менее демократичной избирательной системе консервативной Третьей думы, которая была покорна власти.

Столыпинская аграрная реформа решала многие крестьянские проблемы. Одна из них – малоземелье – стояла особенно остро. Поэтому Столыпин выступал за поощрение переселений крестьян из Центра в Сибирь и на другие неосвоенные земли. Туда и устремились миллионы переселенцев. Делалось это подчас непродуманно, поспешно. Крестьянские семьи неделями ехали в неудобных, более похожих на арестантские вагонах, получивших название «столыпинских», терпели лишения. Сотни тысяч переселенцев, не прижившись за Уралом, возвращались домой окончательно разоренными. Но в Сибири все-таки осели и освоились около 2,5 млн человек. В тяжелой борьбе с природой они начинали жизнь на новом месте и быстро добивались успехов. Здесь развивалась невиданная ранее крестьянская промысловая кооперация, расцветало предпринимательство.

Столыпиным были недовольны царь и придворная камарилья, не желавшая никаких реформ. Против него была настроена императрица Александра Федоровна, требовавшая от царя отставки премьер-министра, тем более что Столыпин не скрывал своего недоброжелательного отношения к Григорию Распутину, набравшему силу при дворе. Премьер-министр докладывал царю о скандальных похождениях Распутина и советовал устранить его от двора. На это Николай мягко возражал: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Это отражает драматическую ситуацию в царской семье. Да и сам Николай стал тяготиться своим энергичным, волевым премьер-министром. Императору казалось (возможно, не без оснований), что Столыпин оттесняет его от власти. А сначала императору нравился Столыпин, который уверенно руководил правительством, пресекая ведомственный сепаратизм. Несмотря на общее одобрение программы столыпинских реформ, Николай II постоянно прислушивался к критикам премьер-министра из лагеря правых консерваторов и поступал подчас вопреки рекомендациям правительства, что тормозило эти реформы.

Одиннадцать покушений на жизнь Петра Столыпина не остановили его в усилиях по реформированию российского крестьянства. Он остался верен своей совести, своей миссии и своему народу. Спустя несколько часов после того, как бомба террориста разорвалась во время приема в его доме, убив 27 человек и тяжело ранив 32, в том числе двоих его детей, Столыпин, хотя он едва пришел в себя после взрыва, отправился в свой кабинет, чтобы ночью поработать над проектом реформы. Россия была на грани катастрофы, и он понимал, что его долг как главы правительства заключался в том, чтобы продвигать всеобъемлющую реформу русской жизни. Для Столыпина благо нации перевешивало его личную скорбь: в результате террористического акта его четырнадцатилетняя дочь Наташа осталась на всю жизнь инвалидом. Он знал, что единственный способ уберечь себя и семью – это уход в отставку, но не намеревался идти на уступки террористам.

«Каждое утро, – писал он, – когда я просыпаюсь, и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни, и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти, как расплата за свои

убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы, наконец, удастся».

В своем завещании Столыпин написал: «Похороните меня там, где меня убьют».

Столыпин сидел в кресле премьера непрочно: у него возникали трудности в отношениях не только с царем, придворной камарильей, но и с дворянством, недовольным проектом местных реформ, лишавшим его вековых привилегий и влияния на местах. Некоторые дворянские представители считали, что Столыпин создает учреждения, «схожие с учреждениями республиканской Франции». Словом, к осени 1911 года Столыпин оказался на грани отставки.

Но 1 сентября произошла трагедия – в Киеве, в театре, Столыпина смертельно ранил эсер Д. Богров, который при довольно странных обстоятельствах с оружием в руках оказался в строго охраняемом охранкой театре. С гибелью Столыпина исчезли последние возможности России к обновлению без ужасов революции. Если бы он остался жив, несомненно, в годы войны и смуты личность Столыпина могла бы серьезно повлиять на обстановку в стране и способствовать выходу ее из кризиса.

ЖЕРОМ ЛЕЖЕН (1926–1994)

«Утверждать научную истину и проистекающую из нее истину нравственную – вот моя задача».

Жером Лежен – французский генетик, который в 1958 г. обнаружил генетический дефект, вызывающий синдром Дауна.

Лежен заботился о тысячах людей с синдромом Дауна и научил тысячи родителей любить своих детей такими, какие они есть. Он создал культуру жизни в сердцевине культуры смерти, т.е. культуры аборта и эвтаназии, распространявшейся по Европе и Америке с конца 1960-х годов.

Лежен был главным вдохновителем движения в защиту жизни во Франции и других европейских странах. Он отстаивал достоинство человеческой жизни в то время, когда парламенты и трибуналы узурпировали божественное право определять, кто будет жить, а кто должен умереть. Для Лежена легализовать аборт значит попираť достоинство человека и презирать науку. Генетика показывает, что в тот самый момент, когда яйцеклетка оплодотворяется сперматозоидом, вся генетическая информация, определяющая будущего индивида, уже целиком вписана в первую клетку. Никакая новая информация не поступает в яйцеклетку ни на одной стадии после ее оплодотворения. Таким образом, генетическая наука утверждает, что человек есть человек с момента зачатия. Совершить аборт значит убить *полноценного* человека.

Лежен говорил: «Если закон настолько ошибочен, что заявляет, будто эмбриональное человеческое существо не является человеческим существом, то это не закон, а грубая манипуляция общественным мнением. Никто не обязан принимать выводы науки. Кто-то может сказать: “Я отвергаю всякое научное открытие, я предпочитаю быть не знающим”. Это определенная точка зрения. Я бы даже сказал, что это политкорректная точка зрения во многих странах, но это точка зрения мракобесов, а мракобесия наука терпеть не может».

Жером Лежен был образцом мужества. Открыв причину синдрома Дауна, он стал всемирно известен, был номинирован на Нобелевскую премию. Его открытие поддержало надежду на лечение серьезной болезни и наметило совершенно новые пути в области генетики. В 1970-х годах с трибуны конференции *Национальных институтов здоровья*, зависящих от правительства США, он бесстрашно говорил: «Жизнь – не желание, а факт... Здесь мы видим институт здравоохранения, превращающийся в институт смерти». Высказав правду без компромиссов, Лежен признался своей жене: «Сегодня я потерял мою Нобелевскую премию». Утверждая научную истину и проистекающую из нее истину нравственную, Лежен шел против духа времени – революционного духа мая 1968 года. Атмосфера, в которой он оказался, быстро стала ядовитой. Его дочь Клара вспоминает, как она, по пути в

школу, проходила мимо университета, где работал ее отец. Стены были замараны огромными черными буквами: «Дрожи, Лежен, революционное студенческое движение не спит!.. Убить Лежена!... Лежен и его уродцы (т.е. дети с синдромом Дауна) должны умереть!». На встречах со студентами он подвергался словесным, а иногда и физическим нападениям. Он больше не получал приглашений на международные конференции по генетике. Ему было отказано в финансировании его исследований. Ему пришлось расформировать свою лабораторию и распустить исследовательскую группу. Таким образом, человек в расцвете сил, который в 38 лет стал самым молодым профессором медицины во Франции и заведовал первой в стране кафедрой по фундаментальной генетике, перед которым открывалось блестящее будущее, полное почестей, признания и власти, оказался без сотрудников, финансирования, и даже без кабинета. Его оставили друзья, его травил пресса, он фактически стал изгоем. Лежен не отступал. Он держался курса, не лишившись покоя и радости. Он умер в пасхальное воскресенье 1994 г., после короткой, но мучительной агонии, начавшейся в Страстную среду.

Лежен был вдохновением множества людей. Когда в 1989 году бельгийский парламент собирался узаконить аборт, король Бодуэн предпочел отречься от престола, нежели подписать преступный закон. Бодуэн хорошо знал Лежена, он знал результаты его научных исследований.

Бернард Натансон, основавший в 1969 году «Национальную Лигу по защите права на аборт», 10 лет спустя признал свое заблуждение: «Аборт, – он говорил, – это самый одиозный холокост в истории Соединенных Штатов». Норма Мак-Корви, истец в судебном деле, закончившемся легализацией абортов в США в 1973 году, 20 лет спустя признала свою ошибку: «Когда в один прекрасный день я увидела изображение 10-недельного эмбриона, я поняла, что это ребенок! Кажется, будто пелена, закрывающая мои глаза, исчезла, и я вдруг познала истину – это ребенок! Аборт – это убийство ребенка в утробе матери. На протяжении многих лет я была неправа». Бернард Натансон и Норма Мак-Корви хорошо знали Жерома Лежена, великого лидера XX века в сфере науки.

ЭДУАРД МИШЛЕН (1859–1940)

«Нужно разбить камень, чтобы найти алмаз, скрытый внутри».

В 1889 году Эдуард Мишлен, основатель крупного промышленного концерна «Мишлен», стал производить шины для автомобильной промышленности.

В 1930-ых годах Марюса Миньоля, простого рабочего, наняли в компанию, но поскольку он не имел формального образования, ему предоставили работу в полиграфическом отделе. Эдуарду Мишлену это решение не понравилось. Он возразил директору по персоналу: «Не слишком судите о человеке по первому впечатлению. Помните, нужно разбить камень, чтобы найти алмаз, скрытый внутри».

Миньоля был переназначен на коммерческую должность, связанную с экспортом продукции. Однажды Эдуард Мишлен обнаружил на его столе странный предмет, наподобие логарифмической линейки. Выяснилось, что работник сам изобрел его, чтобы быстрее вычислять курсовую разницу различных валют.

«Этот человек – гений!», – воскликнул изумленный босс. Миньоля перевели в исследовательский отдел. К тому времени традиционные покрышки изживали себя: они перегревались на высоких скоростях. Изучая нагревание в традиционной шине, Миньоля изобрел такую шину, в которой нити корда в слоях каркаса не перекрещиваются, как это бывает с диагональными шинами, а имеют радиальное расположение, т.е. направлены от борта к борту. Радиальная шина оказалась революционной. Благодаря этому изобретению компания Мишлен вот уже много лет занимает первое место в мире в своей отрасли.

Изобретение радиальной шины стало возможным по одной единственной причине: Эдуарда Мишлена больше интересовали люди, нежели вещи. Движущая сила предприятия – это не капитал, не оборудование, а человеческая креативность.

Мишлен дал Миньолю возможность раскрыть свой талант, поставить его на службу компании, обществу и всему миру. Он дал ему возможность найти смысл в своей жизни и в своей работе. Лидер возвращает и возвышает людей, он дает каждому человеку возможность стать тем, кто он есть. Вот чему учит нас Эдуард Мишлен.

МАТЬ ТЕРЕЗА (1910–1997)

«Я хотела стать Матерью для самых нищих»

В сентябре 1946 года, в поезде по пути в Дарджилинг, наблюдая полную, беспросветную нищету вокруг себя, мать Тереза вдруг поняла, что призвана стать матерью для самых нищих.

Мать Тереза Калькуттская глубоко осознавала свою миссию: быть матерью для самых нищих, разделять их внутреннее одиночество, их чувство покинутости и заброшенности. Тереза поняла, что призвана свидетельствовать перед миром о безмерной любви Божией к каждому

человеку. «Красивая смерть, – говорила она, – это когда люди, жившие как животные, умирают как ангелы – с нашей любовью».

Многие из окружавших ее людей давили на нее, чтобы она принимала решения по правилам, свойственным благотворительным организациям. Но организация, которую она основала в 1950 г. была не благотворительным учреждением, а монашеским орденом. Тереза не поддалась. Следуя она их совету, ее организация, возможно, стала бы успешной здравоохранительной организацией, но она прекратила бы свое существование как монашеская конгрегация. Тереза никогда не забывала свою миссию. В результате, всего лишь за несколько десятилетий ее конгрегация стала ведущим монашеским орденом Католической Церкви. Во время смерти Матери Терезы, он насчитывал 4000 сестер-монахинь, работавших в 123 странах.

Мать Тереза Калькуттская, одна из величайших религиозных лидеров XX века, мужественно шла против тенденций своего времени. В речи по случаю вручения ей Нобелевской премии в 1979 г. она связала свою деятельность в защиту нерожденных детей с делом мира: «Я чувствую, что самый большой фактор, уничтожающий мир сегодня, – это аборт, поскольку это необъявленная война, убийство, совершаемое самой матерью. Ибо если мать может убить свое собственное дитя, то что остановит меня от того, чтобы убить вас, или вас от того, чтобы убить меня?»

Мать Тереза – пример великодушия (у нее была мечта и миссия), смирения (вся ее жизнь была служением человечеству) и мужества (она была верна своей миссии до конца).

КОРАСОН АКИНО (1933–2009)

«Демократия, оторванная от высших ценностей, – это всего лишь сборище дураков».

Корасон Акино – президент Филиппин с 1986 по 1992 г.

После убийства ее мужа, популярного сенатора Бенигно Акино, Корасон сплотила вокруг себя оппозицию диктатору Фердинанду Маркосу. Она смело заявила о своем намерении бросить вызов Маркосу на президентских выборах 1986 года. Официальный избирательный комитет провозгласил Маркоса победителем, но были свидетельства повсеместной подтасовки голосов. Оба кандидата претендовали на победу, и каждый из них провел инаугурацию. Сотни тысяч людей вышли на улицы в поддержку Акино. В результате Маркосу пришлось бежать из страны.

Корасон Акино отменила диктаторские законы. Спустя много лет она сказала: «Я получила диктаторские полномочия, но лишь для того, чтобы отменить их. У меня была абсолютная власть, но я создала независимые суды, способные поставить под вопрос эту абсолютную власть, и законодательные учреждения, способные отнять ее у меня».

Корасон Акино не принимала идею «демократии ради демократии». «Демократия, оторванная от высших ценностей, – говорила она, – это всего лишь сборище дураков». Эти слова звучат сильно и смело, ибо вот уже 200 лет, как западные интеллектуалы поклоняются демократии, как Богу.

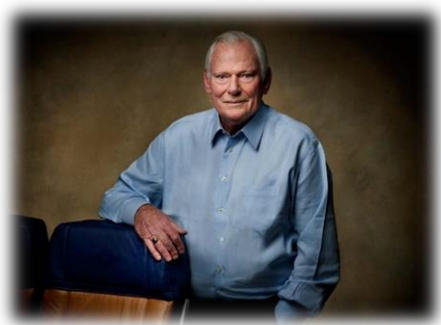
Корасон Акино привлекала, а не подталкивала; учила, а не приказывала; вдохновляла, а не распекала. Она показывала, что лидерство – это не столько проявление власти над другими, сколько способность дать другим возможность проявить себя. Она практиковала вовлеченность и коллегиальность в отношениях с подчиненными. Она говорила: «Способность эффективно работать вместе с другими людьми, прислушиваться к разным точкам зрения, видеть во взглядах других людей искренность, идентичную своей собственной, обладать гибкостью, чтобы учитывать подлинные заботы других, – важные качества для любого, кто стремится служить людям. Это выражение самого духа служения. В самом деле, как может притязать на подлинный дух солидарности с народом тот, кто неспособен к трудовой солидарности со своими ближайшими сотрудниками?»

Сейчас, когда политика стала исключительным уделом политической касты, Кори Акино нам показывает, что многие домохозяйки способны заниматься политикой более справедливо и эффективно, нежели большинство профессиональных политиков, лишенных элементарного чувства величия и служения. На президентских выборах 1986 года диктатор Маркос заявил, что Акино не способна править, поскольку она всего лишь домохозяйка. Но вот, домохозяйка Корасон Акино выиграла выборы, отправила Маркоса в изгнание и полностью преобразовала Филиппины.

Корасон Акино – уникальный пример политического лидерства. Филиппинцы все еще смотрят на нее как на лидера, объединившего нацию.

ГЕРБ КЕЛЛЕХЕР (1931–2019)

«Наши сотрудники – люди, а не человеческие ресурсы».

У Герба Келлехера, соучредителя и бывшего генерального директора авиакомпании Саутвест Эйрлайнз (Southwest Airlines), была мечта: сделать авиаперелеты доступными для всех, дать простым людям шанс побывать в точках земного шара, где они раньше не были, дать им возможность испытать то, о чем раньше не могли и мечтать.

Келлехер основал Саутвест Эйрлайнз в Техасе в 1971 году. Он хотел, чтобы в основе корпоративной культуры авиакомпании лежало чувство юмора. Чувство юмора в самом деле и есть по сей день главная ценность в компании Саутвест. Сотрудники компании относятся к клиентам с известной долей юмора. Людей, лишенных чувства юмора, простоты и альтруизма, не нанимают.

Келлехер служил своим сотрудникам. Он говорил: «Офис главного управления находится у подножья пирамиды, не на ее вершине. Цель главного управления – поддерживать фронтовых бойцов компании. У нас нет “Отдела человеческих ресурсов”, потому что люди – не ресурсы. Зато у нас есть “Отдел людей”, ведь мы занимаемся *людьми*. “Отдел человеческих ресурсов” – это сталинское понятие».

Келлехер заставлял своих людей мыслить нестандартно, начиная от стюардов и заканчивая высшими руководителями. Если сотрудник компании представлял новую идею на рассмотрение, он получал ответ в течение не более одной недели. «Приходится рассмотреть тысячи идей, чтобы найти одну стоящую, – говорил Келлехер. – Но если мы начнем отклонять их из-за нехватки времени, то мы эту единственную стоящую идею никогда не найдем».

Келлехер создал корпоративную культуру, где людям позволено решать задачи, выходящие за рамки их каждодневных обязанностей. «Мы хотим, чтобы каждый наш сотрудник стал лидером, – говорил он. – Мне все равно, чем он занимается: проверяет багаж или грузит его в самолет. Он должен быть примером для других, он должен вдохновлять их».

«Мы нанимаем людей, готовых служить другим и умеющих работать в команде. Мы постоянно общаемся с нашими сотрудниками, постоянно взаимодействуем с ними, постоянно благодарим их за инициативность и смелость».

Келлехер возвращал будущих лидеров. Он ушел в отставку, но его организация продолжает свое существование, продолжает осуществлять свою миссию. Поиск преемников, наряду с вовлеченностью сотрудников, это признак истинного смирения лидера. Келлехер не сделал себя незаменимым. Он создал условия, позволяющие другим довести его работу до успешного завершения. Он подготовил почву для преемственности.

Келлехер практиковал добродетель благоразумия. Его лидерские принципы полны практической мудрости. Он говорил: «На первом месте – сотрудники, на втором – клиенты, а лишь на третьем месте – акционеры. Первое место занимают ваши люди. Если вы

относитесь к ним правильно, они будут правильно обращаться с клиентами, и покупатели еще не раз возвратятся, что сделает акционеров счастливыми. Это просто, и нет никаких противоречий, лишь цепочка событий... Бизнес-школы привыкли думать, что в порядке приоритета заключается загадка: кто первичен? Ваши сотрудники, ваши клиенты или ваши акционеры? А я говорю, что никакой загадки здесь нет. Это всего лишь порядок вещей».

Келлехер прекрасно относился к своим сотрудникам, а они, в свою очередь, прекрасно обслуживали клиентов. В результате компании Саутвест была присуждена статус лучшей авиакомпания США по мнению клиентов. Низкие тарифы и обслуживание на высшем уровне – это не чудо, а естественный результат культуры величия и служения.

Келлехер практиковал добродетель смелости. В 1971 году каждый в Техасе говорил ему, что проект Саутвест Эйрлайнз не имеет будущего, что это безумие. Келлехер не обращал внимания на мнение толпы. Он был смел.

Еще он был вынослив, терпелив и настойчив. В 1971 году в Техасе существовали авиакомпании, обладающие монопольными правами. Эти монопольные права Келлехер сознательно стремился уничтожить на благо пассажиров. Взбешенные монополисты подали десятки исков против Келлехера в течение 4 лет в попытке препятствовать конкуренции. Келлехер не отступал.

После террористических актов 11 сентября 2001 года, Келлехер следовал намеченному компании курсу, не шел на компромисс с принципами перед лицом огромных финансовых трудностей.

Келлехер практиковал справедливость. Поставив сотрудников выше клиентов, он отдавал должное и тем и другим. «Клиент, – говорил он, – не всегда прав, он может ошибаться. Мы таких клиентов на борт не берем. Мы говорим им: “Летайте другой авиакомпанией, не обижайте наших людей”».

После терактов 11 сентября компания Саутвест не стала увольнять сотрудников или сокращать зарплаты, как это делали многие другие уважаемые компании. На самом деле, за всю историю Саутвеста не было ни одного увольнения по экономическим причинам. В тяжелые времена компания жертвует прибылью, но обеспечивает своих людей рабочими местами. «Мы продали самолет, – говорит Келлехер, – но не уволили кого-либо из наших сотрудников. Наш авиапарк сократился до трех самолетов. Тремя самолетами мы осуществляли перелеты, рассчитанные на четыре самолета. Мы учились разворачивать самолеты примерно за 10 минут, а не 50 минут, как другие компании. Вот как быстрая замена бортов вошла у нас в историю».

Герб Келлехер был успешным бизнесменом. В 2015 году его компания была третьим крупнейшим в мире перевозчиком по количеству перевезенных пассажиров. Саутвест – единственная крупная американская пассажирская авиакомпания, которой удалось неизменно получать прибыль с 11 сентября 2001 года. Культура величия и служения дает ей значительное конкурентное преимущество. Внедрение такой культуры – результат нравственного лидерства одного человека, имя которому Герб Келлехер.

ДАРВИН СМИТ (1926–1995)

«Суть бизнеса – не прибыль, а личностное и организационное величие».

Дарвин Смит – человек, стоявший у истоков поразительной трансформации компании Кимберли-Кларк в 1971 году.

Когда Смит принял на себя руководство компанией, фирма находилась в тяжелом положении, поскольку ее основной бизнес – производство мелованной бумаги – приносил ничтожную прибыль. Смит решил продать все заводы компании и в будущем заниматься исключительно потребительской бумагой.

Он решил, что соревнование с такими всемирно известными гигантами, как Проктер & Гэмбл и Скотт Пейпер, заставит фирму либо погибнуть, либо достичь организационного величия. Смит инвестировал в торговые марки, такие, как Хаггиз и Клинекс.

Уолл-стрит не преминула выразить свое недоверие. Акции Кимберли-Кларк продолжали падать. Целый хор журналистов предсказывал скорое банкротство фирмы. Но Смит не отступал. В результате компания стала приносить прибыль, в 4 раза превышающую среднюю рыночную. Кимберли-Кларк далеко превосходил Скотт Пейпер и Проктер & Гэмбл. Смит успешно преобразовал умирающий промышленный гигант в ведущую компанию по производству потребительской бумаги.

Дарвин Смит пошел на огромный риск, потому что понимал: его решение способствует такому личностному росту, который обгонит все сугубо материальные результаты, какими бы значительными они ни оказались. Для лидера достижение высоких организационно-материальных целей – не самоцель, а средство, необходимое для личностного роста вовлеченных в процесс людей.

Менеджмент – это искусство продвигать дела; лидерство же – это искусство продвигать людей. Лидер возвращает своих сотрудников, он учит их и вдохновляет. Смит хотел величия для своей компании, но больше всего он хотел величия для себя и своих людей. Ему не нужны были функционеры, ему нужны были творцы.

Дарвин Смит – крупнейший лидер XX века в сфере бизнеса.

ХОСЕМАРИЯ ЭСКРИВА (1902–1975)

«Святость для всех!»

Хосемария Эскрива основал *Opus Dei* (Дело Божие) в 1928 г., в те времена, когда святость рассматривалась как привилегия немногих избранных — священников, монахов и монашествующих. Он же считал, что каждый христианин призван к святости в силу своего крещения. Он настаивал на том, что христиане-миряне либо достигают святости посредством тщательного исполнения своих профессиональных, семейных, религиозных и общественных обязанностей, либо не достигают ее вовсе.

Эскрива видел в труде не наказание за грех, а первозданное *призвание* каждого человека к творчеству и сотворчеству с Богом. Он считал, что миряне должны «освящать свою работу, освящаться в работе и освящать других через работу» и приносить ее в жертву Богу вместе с Жертвой Христа ради спасения душ.

Хотя многие деятели Католической Церкви считали Эскриву при его жизни еретиком и сумасбродом, множество людей по всему миру вняли его призыву к всеобщей святости. Полмиллиона паломников присутствовали на церемонии причисления его к лику святых 6 октября 2002 г. на площади св. Петра в Риме.

После канонизации Эскривы святой папа Иоанн Павел II назвал его «апостолом повседневности», «апостолом мирян для нашего времени».

8 октября 1967 г. в кампусе Наваррского Университета в Испании Эскрива произнес слова, прекрасно иллюстрирующие его послание и его призыв:

«Дети мои, где ваша любовь, ваша работа, воплощение ваших стремлений — там место вашей повседневной встречи с Христом. В круговерти самых обычных событий, среди самых земных, материальных вещей мы должны освящать себя, служа Богу и людям... Мир — не плох, он вышел из рук Божиих. Бог его создал, и посмотрел на него, и остался доволен. Это мы, люди, портим и уродуем его грехом и неверностью. Поверьте, дети мои, если вы, живущие в мире, уклонитесь от честных будничных дел, то нарушите волю Божию, это уж точно... Поймите, Бог призывает вас служить Ему в мирских, материальных делах, как бы *из них, изнутри*. Он ждет нас каждый день в лаборатории, в операционной, в казарме, на университетской кафедре, на фабрике, на заводе, в мастерской, в поле, в семье, словом — везде, где трудятся. Что-то есть божественное и сокровенное в самых простых вещах, и каждый из вас должен открыть это *что-то*... Студентам и рабочим, которые собирались со мной в тридцатых годах, я говорил, что им надо *овеществить* свою духовную жизнь. Я хотел, чтобы они избежали соблазна двойной жизни, распространенного и тогда, и теперь: по одну сторону — жизнь внутренняя, связь с Богом, по другую, совсем отдельно — профессиональная, социальная, семейная, где толпятся и кишат мелкие земные дела. Нет, дети мои! Мы так жить не можем! Мы — христиане, а не шизофреники. Жизнь — одна, ее мы и должны освятить, наполнить Богом и плотью, и дух. Невидимого Бога мы открываем в

самых видимых, материальных вещах... Другого пути нет, дети мои. Или мы научимся находить Бога в повседневной жизни, или вообще Его не найдем. Поэтому я и говорю вам, что теперь, в наши дни, надо вернуть высокое значение материи. Надо одухотворить самые мелкие и неприметные аспекты человеческой жизни, поставить на службу Царству Божию, сделать средством, которое поможет нам постоянно быть с Иисусом Христом... Истинное христианство верит в телесное воскресение, а потому, вполне логично, всегда отвергало *развоплощение*, ничуть не боясь, что его обвинят в материализме. Мы вправе говорить о материализме христианском, который смело противостоит материализму бездуховному... Вы должны очень хорошо работать, должны любить Бога и людей, вкладывая эту любовь в мелочи повседневной жизни, а в них – открывая то божественное начало, которое в них скрывается. Здесь очень подходят стихи Кастильского поэта: *Пиши медленно, красиво. Делать хорошо – важнее, чем просто делать...* Уверяю вас, дети мои, когда христианин делает с любовью самое ничтожное дело, дело это преисполняется славой Божией. Потому я и твержу, и вбиваю вам в голову, что христианин призван творить высокую поэзию из житейской прозы. Нам кажется, дети мои, что земля и небо смыкаются у горизонта, а они смыкаются у нас в сердце, когда мы освящаем будничную жизнь... Освящайте будничную жизнь, – сказал я: в словах этих – целая программа христианской жизни. Оставьте мечтанья и вымыслы, оставьте то, что я обычно называю мистикой типа “Ах, если бы!...”: “Ах, если бы только я не женился!”, “если бы имел другую профессию”, “...был поздоровее”, “...помоложе”, “...постарше”... Трезво обратитесь к самому насущному, к самой очевидной реальности; где она, там и Господь... Человек, знающий, что Христа можно найти не только в храме, но и в мире, этот мир любит. Он старается получить хорошее образование, ему хочется стать ученым и умелым. Проблемы, возникающие вокруг него, он решает свободно, а решения, как всегда у христиан, обусловлены и собственными размышлениями, и смиренной покорностью воле Божьей, проявляющейся во всех событиях, важных и неважных.»

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ (1730–1800)

«Мне солдат дороже себя».

Русский полководец Александр Васильевич Суворов не был магнетической личностью. «Этот полудиккий герой, – пишет французский король Людовик XVIII, – соединял в себе с весьма невзрачной наружностью такие причуды, которые можно было бы счесть за выходки помешательства, если бы они не исходили из расчетов ума тонкого и дальновидного. То был человек маленького роста, тощий, тщедушный, дурно-сложенный, с обезьяньей физиономией, с живыми, лукавыми глазками и ухватками до того странными и уморительно-забавными, что нельзя было видеть его без смеха или сожаления».

Лидерство – вопрос не внешности, а добродетели.

Суворов пробуждал в солдатах чувство собственного достоинства. Он проявлял неустанную заботу о них и прямо рекомендовал: «Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет». Он говорил: «Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови... Мне солдат дороже себя». Суворов возвышал своих солдат и служил им, и завоевал безграничное доверие и любовь армии.

Лидерство Суворова оказалось крайне эффективным: за всю свою карьеру он не знал ни одного поражения, дал более 60 сражений и все выиграл.

Суворов шел против воинской ментальности своего времени. Он говорил: «Побеждают не числом, а умением... Неприятелю времени давать не должно... Три воинских искусства: первое – глазомер, второе – быстрота, третье – натиск... Удивить – победить... Взор! Быстрота! Победа!... Быстрота и внезапность расстроят неприятеля и поразят... Атакуй с чем пришел! Коли, руби, гони, отрезывай, не упускай!... Ничего – кроме наступательного».

Суворов был деятелем, но не был трудоголиком. Он умел уединяться и размышлять. Глубокая созерцательность и энергичная деятельность – вот важные качества лидера. «Если б я не был полководцем, – говорил Суворов, – то был бы писателем».

Суворов был мудрым, благоразумным: он изучал не теории, а самую конкретную реальность: «Никакой баталии в кабинете выиграть невозможно... Не нужно методизма, а верный взгляд военный... Умей пользоваться местностью, управляй счастьем».

Суворов был справедлив: «Я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего. Во всю жизнь мою никого не сделал несчастным. Ни одного приговора на смертную казнь не подписал. Ни одно насекомое не погибло от руки моей».

Суворов – пример самообладания и нерушимой бескорыстности. Здесь он представлял собою яркое исключение среди возведенной в принцип продажности екатерининских вельмож. Все искали, чем бы поживиться, все воровали направо и налево. Французы грабили завоеванную Италию, австрийцы – Польшу. Суворов же никогда не взял ни одной вещи из бесценной добычи, которая доставалась войскам в результате его побед. Во всех своих привычках он был необыкновенно свободен. Он лишал себя даже элементарного

комфорта. Ездил он всегда в самой простой таратайке или на первой попавшейся казацкой лошаденке, одевался в добротные, но грубые ткани, пользовался самой простой мебелью и т. д. Все это составляло разительный контраст с царившей в XVIII веке безумной роскошью.

Суворов отличался своим реализмом и духовной трезвостью. Он написал: «Почитая и любя нелицемерно Бога, а в нем и братьев моих, человек, никогда не соблазняясь приманчивым пением сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим на земле сокровищем – временем – бережливо и деятельно, в обширном поле и в тихом уединении, которое я везде себе доставлял».

Победоносный английский адмирал Нельсон писал Суворову: «Меня осыпают наградами, но сегодня удостоился я высочайшей награды: мне сказали, что я похож на Вас».

КУРМАНЖАН ДАТКА (1811-1907)

«Я скрутила горе своё, чтоб народ от беды сберечь».

Курманжан Датка – киргизская государственная и военная деятельница, предводительница и правительница алайских киргизов с 1832 по 1876 годы.

Курманжан Датка – пример благоразумия, самообладания, смелости, мужества, великодушия и смирения. Пример нравственного лидера.

Курманжан родилась в аиле Орок (Орке) в Алайских горах вблизи от города Ош, в семье киргизов-кочевников.

Когда ей исполнилось 18 лет, родители хотели выдать ее замуж за мужчину, который был втрое старше девушки, но она, нарушив традицию, сбежала из юрты жениха и вернулась в дом своего отца, где жила в течение трёх последующих лет.

В 1832 году богатый алайский феодал бек Алимбек, имевший звание датки и возглавлявший племена алайских киргизов, освободил Курманжан от брачного договора и взял ее в законные жены. Она родила ему шестерых сыновей, была неизменной помощницей и советчицей. Их брак длился 29 лет и оборвался неожиданно: Алимбек, принимавший участие во многочисленных дворцовых интригах в Кокандском ханстве, в 1862 году во время одного из дворцовых переворотов попал в западню и был убит. Правление перешло к его пятидесятилетней супруге.

Сама Курманжан не только пользовалась уважением алайцев, но и фактически опиралась на преданное ей войско в составе 10 тысяч джигитов. Когда кокандский хан Худояр провозгласил алайских киргизов своими подданными и обложил их налогами, правительница не только воспротивилась этому, но и сумела заставить Худояра отказаться от обложения кочевников податями, признать ее в качестве нового правителя Алая и присвоить ей почетный титул «датка». Хан, известный своей надменностью, был вынужден встречать Курманжан Датку как самого знатного бека — впервые в Средней Азии и на всем мусульманском Востоке в честь женщины был устроен официальный прием. Признал алайскую правительницу и эмир Бухары Музаффар: он был вторым правителем, пожаловавшим ей титул «датка». На сегодняшний день Курманжан Датка принадлежит к немногочисленной категории женщин, которые когда-либо вставали во главе мусульманского государства.

Курманжан пользовалась огромным авторитетом. С почтением относились к алайской правительнице и кокандские ханы, ценившие её способность сохранять власть над непокорным киргизским народом.

В 1876 году русские войска вторглись на территорию Кокандского ханства и захватили его. Курманжан негативно отнеслась к появлению в Алайском регионе войск «Белого царя». Но скоро части русского ставленника Шабдан-батыра настигли и окружили ее. Учитывая большое влияние царицы на алайских кыргызов, князь Витгенштейн препроводил Курманжан в штаб, находившийся в Маргелане, не как обычную пленницу, а с особыми почестями. Ей были гарантированы неприкосновенность и полная безопасность.

В штабе Курманджан Датку принимал будущий герой русско-турецкой войны генерал Михаил Скобелев. Датка согласилась на просьбу Скобелева написать сыновьям письмо о прекращении сопротивления, но только взамен на обещание помилования для всех своих сторонников, в первую очередь сыновей, а также на назначение последних на правящие должности в новообразованных волостях Туркестанского генерал-губернаторства. Генерал согласился, и тогда Курманджан Датка официально объявила о присоединении земель алайских киргизов к Российской империи. За это российское правительство пожаловало ей чин полковника.

После присоединения к России на территории Алая было образовано пять волостей, четыре из которых перешли под управление ее сыновей, которые часто злоупотребляли благосклонностью властей и серьезно превышали свои полномочия.

В дальнейшем Курманджан Датка взяла курс на установление дружественных отношений с российскими властями. Во многом этому способствовал Шабдан-батыр, роль которого среди кыргызов в то время существенно возросла. Более того, есть сведения, что он пытался свататься к давно овдовевшей Курманджан, но она ответила ему отказом.

В письме Курманджан Датки генерал-губернатору Михаилу Ионову мы читаем: «Теперь, в это спокойное время, хочу сказать следующее: весь мой народ и я сама и мои родственники против Вас никогда не замыслили выступить. С нашей стороны никакого вреда нет. Если мой народ сделает плохо, сделает измену, я самым строгим образом накажу виновных, а сама до скончаний моих дней в жизни буду терпеть муки угрызения».

Российские политические и военные деятели, лично знавшие Курманджан, отмечали её житейскую мудрость, несмотря на отсутствие грамотности, и необычайное уважение среди соотечественников. Многие чиновники лично обращались к Датке за советом. С майором (впоследствии — полковником) М. Е. Ионовым, первым начальником Ошского уезда, Курманджан Датка на протяжении долгих лет сохраняла дружеские отношения, вела длительную переписку, обменивалась подарками и фотографиями.

В 1893 году в дом к одному из сыновей Курманджан Датки — Камчибеку — с обыском пришёл русский таможенный объездчик в сопровождении двух стражников, имевший сведения о том, что Камчибек только что получил контрабандный груз из Афганистана, переправленный через Кашгар. Хозяина в это время дома не было, он находился в Оше. Таможенники оскорбили его жену, отрубив ей косу под предлогом того, что в ней спрятаны драгоценности, и нукер Камчибека Ак-Палван решил отомстить за это без ведома своего бека, убив и объездчика, и обоих стражников. Всего же по этому делу был арестован 21 человек.

Бывшая правительница поехала в Маргелан к генерал-губернатору Повало-Швейковскому и обратилась к нему с просьбой о помиловании сыновей и внуков. Она сумела спасти Мамытбека, Арстанбека и Мирзапаяса от гибели — смертную казнь заменили каторжными работами в Иркутской губернии. Любимого сына Курманджан, Камчибека, спасти не удалось. 3 марта 1895 года он был повешен вместе с Ак-Палваном на центральной площади города Оша в присутствии матери.

Смерть сына оказала сильное моральное воздействие на Курманджан: женщина оставила общественную жизнь, покинула свои владения и стала затворницей, поселившись в деревне Мады неподалеку от Оша.

Вскоре после того, как Курманджан Датка стала отшельницей, о ней доложили императору Николаю II, и он решил пожаловать ей специальный царский подарок — золотые дамские часы с изображением государственного герба империи с цепочкой и брошью, украшенные бриллиантами и розами. В сопровождении многочисленной конной стражи в селение Мады прибыл Ошский уездный начальник, торжественно вручивший «Королеве Юга» подарок императора.

В июне — июле 1906 года, за полгода до смерти Курманджан Датки, в ходе знаменитой Азиатской экспедиции через Алайскую долину проезжал русский путешественник и будущий маршал Финляндии Карл Густав Эмиль Маннергейм. Он остановился в Оше и посетил юрту бывшей киргизской правительницы. В своих походных дневниках Маннергейм оставил воспоминания об алайских киргизах, о своём общении с сыном Курманджан Датки Асанбеком в его ставке и, конечно, о встрече с самой «Алайской царицей». Маннергейм был поражён тем, как просто 96-летняя мусульманка согласилась сфотографироваться, да ещё и верхом на лошади.

Курманджан Датка умерла 1 февраля 1907 года в своём доме в Мады. Она была похоронена в Оше рядом с сыном Камчибеком, казнённым в 1895 году. Курманджан сочиняла стихотворения, подписывая их именем Зыйнат. Современники высоко ценили Зыйнат как поэтессу, ставя её в один ряд со знаменитыми поэтессами Средней Азии XIX века — Надирой, Дильшот, Махзурой. Царица сочиняла произведения не только на родном киргизском языке, но и на тюркском и фарси. До наших дней сохранилась лишь малая часть её поэтического наследия. Относительно широко известно её траурное стихотворение (кошок), посвящённое казнённому сыну Камчибеку. Оно было переведено на несколько языков, в том числе на русский М. Рудовым:

*Сокол мой, сынок Камчибек,
Покидаешь ты бранный мир,
Оставляешь неверный мир,
Сетью расставил жестокий век,
Захлестнули тебя петлёй,
Расстаётся душа с тобой.
Я скрутила горе своё,
Чтоб народ от беды сберечь,
В сердце скрыла горе своё,
Чтоб народ в беду не вовлечь.
Ты главы своей не склонил,
Честь джигита ты защитил.
Как в куреше, по пояс гол,
Смерть презревши,
в расцвете сил
Ты на схватку
без страха шёл.*

*Сын мой верный,
прощай, прости.
Ты шейит на святом пути!*

Курманджан была в меру аскетична, не увлекалась шумной городской жизнью: и зиму, и лето она проводила в войлочной юрте, кочуя по склонам Алайского хребта.

Офицер российской армии Борис Тагеев, присутствовавший при разговоре Курманджан Датки и Михаила Скобелева, описывал царицу как «киргизку небольшого роста, хотя немолодую, но красивую, одетую в парчовый халат, отороченный каким-то мехом».

Курманджан Датка — редкая историческая фигура, она взяла на себя ответственность в очень сложный период правления Кокандского ханства, Китая и России. Ее мудрость, дипломатические способности спасли ее народ от гибели и разрушения. Она способна была найти выход из любой сложной ситуации, потому и Россия, и Кокандское ханство вынуждены были с ней считаться.

ДОКТОР ГААЗ (1780–1853)

«Спешите делать добро»

О Федоре Петровиче Гаазе упоминал Достоевский в третьей части «Идиота»: «В Москве жил один старик, был “генерал”, то есть действительный статский советник с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам, каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит “старичок генерал”. Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех “голубчиками”. Он давал деньги, присылал необходимые вещи — портянки, подвертки, холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному. Про преступление он редко расспрашивал, разве выслушивал, если преступник сам начинал говорить. Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женщину с ребенком на руках, он подходил, ласкал ребенка, пощелкивал ему пальцами, чтобы тот засмеялся. Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники. Мне рассказывал один бывший в Сибири, что он сам был свидетелем, как самые закоренелые преступники вспоминали про генерала, а между тем, посещая партии, генерал редко мог раздать более двадцати копеек на брата».

Иоганн Фридрих Гааз (Johann Friedrich Gaass), родившийся в 1780 г. в Бад-Мюнсте-райфеле (Рейнская область, Германия) и умерший в 1853 г. в Москве, сделал все, что мог, для улучшения положения заключенных в России, к нему тянулись люди, в его похоронах (похоронах католика в православной столице) участвовало больше 20 тысяч человек.

Гааз учился философии, математике, медицине в Йене, Геттингене и Вене. «Как студент, изучавший медицину, философию, естественные науки, он сформировался, совсем в духе тогдашнего времени, всесторонне — по многим направлениям и был в тесном контакте с натурфилософами круга Шеллинга, чьи идеи его привлекали и оказывали на него сильное влияние.

Гааз бы приглашен в качестве врача в Москву князем Репниным, которого он в Вене вылечил от глазной болезни. Его чтили самые знатные, самые богатые и самые просвещенные москвичи; с ним приятельствовали сановники, литераторы, светские дамы, ученые... Но он прежде всего спешил к своим больным; он посвящал все свои душевные силы, мысли, время и заработки беднейшим из бедных, бесправным, униженным, обездоленным людям.

В 1894 г. был опубликован «Рассказ старшего садовника» А.П. Чехова. В образе героя рассказа нашли отражение некоторые черты Федора Петровича Гааза: «Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал, и странное дело, когда у него умирал пациент, то он шел вместе с родственниками за гробом и плакал.» О Гаазе Чехов неоднократно вспоминал во время и после своего путешествия на «кандалный остров» Сахалин, где он воочию встретился с жизнью и смертью каторжан и услышал немало преданий о «святом докторе».

В 1897 г. знаменитый юрист А.Ф. Кони выпустил небольшую, но правдивую книгу о состоянии тюремного дела в России и роли Гааза в пересмотре некоторых вопиющих сторон тюремной жизни. Упомянув о заслугах Говарда, английского человеколюбца, который привлек внимание общественности, печати, парламента к состоянию тюремного дела в Англии, отмеченных при открытии 3 июня 1890 г. в Петербурге IV международного тюремного конгресса, Кони совершенно справедливо задался вопросом: а есть ли в России такого масштаба деятели? И отвечает: «Одним из таких деятелей был доктор Федор Петрович Гааз. Не уступая в своем роде и на своем месте Говарду, человек цельный и страстно-деятельный, восторженный представитель коренных начал человеколюбия, он был поставлен далеко не в такие условия, как знаменитый английский филантроп. Последнему достаточно было встретить, проверить и указать зло, чтобы знать, что данный толчок взволнует частный почин и приведет в движение законодательство. Ему достаточно было вспахать почву, и он мог быть спокоен за судьбу своих усилий: сеятели и жнецы найдутся. Но Гааза окружали косность личного равнодушия, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и целый общественный быт, во многом противоположный его великодушному взгляду на человека. Один, очень часто без всякой помощи, окруженный неувимыми, но осязательными противодействиями, он должен был ежедневно стоять на страже слабых ростков своего благородного, требовавшего тяжелого и неустанного труда, посева».

Ф.П. Гааз еще при жизни стал человеком-легендой. Его подвижническая деятельность резко контрастировала с косностью и бюрократизмом российского правосудия, раздражала чиновников непонятной для них душевной и материальной щедростью по отношению к заключенным. Гааз все свои нажитые капиталы пожертвовал на устройство Полицейской больницы для бесприютных, помощь заключенным, организацию школы для арестантских детей, добивался пересмотра приговоров невинно осужденных.

В 1909 г. перед зданием бывшей полицейской («Гаазовской») больницы был открыт памятник работы скульптора Н.А. Андреева. Имя Гааза неизменно значилось во всех российских и советских энциклопедических словарях, но явно находилось на периферии общественного внимания: милосердие, бывшее смыслом глубоко религиозного человека, в Советском Союзе оказалось не в чести.

Почему этот человек, чья биография была известна всей Москве первой половины XIX в., встречала глубокую благодарность тысяч арестантов, прошедших через этап пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах, за облегченные кандалы, за отмену «прута», слова утешения, обрастала мифами и легендами, заинтересовал Льва Копелева, диссидента и правозащитника в XX веке? Лев Зиновьевич Копелев, ученый-германист, писатель, начал книгу о Гаазе в 1976 г., когда не было и намека на потепление обстановки в стране. Через

рассказы детства, опыт заключения, позволивший глазами Гааза взглянуть на ужасы тюремного бытия, чтение брошюры А.Ф. Кони, сохранившейся у товарища, который принес ее в больницу Копелеву, – все это, причудливо сплетясь, освободило Копелева от идеологии беспощадного революционного насилия, которым он был увлечен в юношеские годы. Пришла осознанная необходимость говорить о Гаазе как о символе бескорыстного милосердия.

Немецкий писатель Генрих Белль в предисловии немецкого издания книги Копелева о Гаазе подчеркивает: «Гааз учит нас различать добродушие (которое в большинстве случаев есть компонент лениности) и доброту, которая беспокойна и предполагает глубину чувств».

В 2005 г. в России была учреждена медаль Федора Гааза – ведомственная награда Федеральной службы исполнения наказаний России. Наиболее известная межобластная больница уголовно-исполнительной системы России носит имя Федора Петровича Гааза.

Гааз сделал неправдоподобно много для одной человеческой жизни, отдавая всего себя защите не только телесного здоровья, но также прав и человеческого достоинства осужденных. Много сил отдал он также заботе о духовном здоровье своих подопечных, на свои средства приобретая для них душеполезную литературу. Его самоотверженность в служении Богу и людям сводит на нет разделяющие людей национальные и конфессиональные различия. Протоирей Александр Мень поставил личность доктора Гааза в один ряд с личностями Андрея Рублева и Сергия Радонежского: «На самом деле Судья будет спрашивать нас не о теоретических убеждениях или мистических видениях, а о том, что мы сделали для Его меньших братьев».

Стал широко известен его девиз «Спешите делать добро», высеченный на его надгробном камне. Легендарная личность доктора Гааза предстает перед нами как личность посредника между народами России и Германии, между социальными слоями богатых и бедных, между католической и православной конфессиями, между учеными наших стран.

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ (827–869 и 815–885)

«Единство, да! Единообразие, нет!»

Кирилл и Мефодий – отцы восточнославянской культуры и религии. Они «со-покровители Европы». Это гиганты духа, культуры и инкультурации. Кирилл и Мефодий несли истину Откровения новым народам, уважая при этом их культурную неповторимость. Они остаются живым примером для Церкви и для миссионеров всех времен.

После переселения молодых народов западное христианство сплавило пришлые этнические группы с коренными латинскими народностями, с помощью Римской Церкви распространяя между всеми, с намерением объединить их, латинский язык, латинскую литургию и культуру. Из достигнутого тем самым единообразия в относительно юном, становящемся обществе рождалось ощущение силы и сплоченности, способствовавшее как более тесному внутреннему единству, так и более энергичному самоутверждению в Европе. Можно представить себе, что в подобных обстоятельствах всякое отличие воспринималось порой как угроза еще хрупкому единству, и сколь велико могло быть искушение искоренить такое отличие, даже прибегая к определенным видам насилия.

Кирилл и Мефодий, действуя в столь сложных и шатких условиях, не стали навязывать внимавшим их проповеди народам ни неоспоримого превосходства греческого языка и византийской культуры, ни навыков и обычаев более продвинутого общества, в которых они выросли и которые неизбежно оставались им привычны и дороги.

Кирилл и Мефодий поставили себе целью понять и почувствовать язык, обычаи и традиции славянских племен, точно передавая те устремления и человеческие ценности, которые в них содержались и выражались. Чтобы перевести евангельские истины на новый язык, они должны были заняться пристальным изучением внутреннего мира тех, кому собирались возвещать Слово Божие с помощью образов и понятий, которые были бы тем хорошо знакомы. Поместить библейские понятия и категории греческого богословия, не искажая их, в контекст совсем иного исторического опыта и образа мысли — это казалось им необходимым условием для успеха их миссионерской деятельности.

Кирилл и Мефодий были убеждены в том, что каждая поместная Церковь призвана собственными дарами обогащать католическую «плерому». каждый народ, каждая культура имеет свою роль во вселенском замысле спасения.

Кирилл и Мефодий внушают нам мысль, оказавшуюся особенно насущной для нашего времени, которое как раз вследствие многочисленных и сложных проблем религиозного и культурного, гражданского и международного свойства ищет жизнеспособного единства в подлинном общении между собой различных составных частей. Можно сказать, что обоих

благовестников отличала тяга к общению со Вселенской Церковью как на Востоке, так и на Западе, а внутри нее с той отдельной Церковью, которая рождалась у славянских народов. От них исходит также призыв к христианам и нашим современникам *строить общение совместно*.

Осуществляя свою харизму, Кирилл и Мефодий внесли решающую лепту в построение Европы, в области не только религиозного христианского общения, но и государственных и культурных связей. И сегодня нет иного пути к преодолению напряженностей и улаживанию, как в Европе, так и в мире, тех разрывов и противоречий, которые несут ужасную угрозу жизни и человеческим ценностям.

Событием, определившим все последующее течение жизни Кирилла и Мефодия, была просьба великоморавского князя Ростислава к византийскому императору Михаилу III прислать его народу учителя, который был бы способен толковать им христианскую веру на их языке. «Многие среди нас живут учителя христианские из Италии, из Греции и из Германии и наставляют нас всякими способами. Но нет у нас, славян... никого, кто поучал бы нас способом, нам внятным».

В 864 г. Константинопольский Патриарх Фотий послал к Ростиславу солунских (фессалоникийских) братьев, Константина и Михаила, в монашестве получивших имена Кирилла и Мефодия. Их отец был в Салониках военачальником. Культура Древней Греции и Древнего Рима, сплавленная воедино с культурным наследием Македонии и восточным христианством, была той благодатной почвой, на которой расцветали таланты братьев, возвышались их умы и души. Кирилл хорошо знал славянский, то есть древнеболгарский, греческий, латынь, древнееврейский и арабский языки.

В глубокой древности все славяне говорили на одном языке, который ученые называют праславянским, выполнившим историческую роль родоначальника всех славянских наречий. Кирилл и Мефодий несли с собой тексты Священного Писания, необходимые для богослужения, подготовленные и переведенные ими на славянский язык и написанные на новом алфавите, разработанном Кириллом и прекрасно приспособленном к звукам этого языка.

Миссионерской деятельности двух братьев в Моравии, занимавшей территорию современной Восточной Чехии, сопутствовал несомненный успех, но также и вполне понятные сложности, созданные для новых миссионеров предыдущей, изначальной христианизацией, проведенной соседними латинскими Церквями. Братья искали защиты у папы римского. Во время их пребывания в Крыму, близ Херсонеса, они определили церковь, в которой издревле находилась гробница святого Климента, римского папы и мученика, изгнанного в эти отдаленные края; они извлекли и унесли с собой его мощи в Рим, и торжественно вручили их папе Адриану II. Папа принял их весьма благосклонно. Он одобрил славянские литургические книги и приказал рукоположить Мефодия, не имевшего сана священника.

Кирилл скончался 14 февраля 869 года, в Риме, когда ему было чуть более сорока лет. Он был погребен в базилике святого Климента, куда раньше перенесли мощи св. Климента, подаренные папе братьями. Кирилл вошел в историю мировой цивилизации как один из величайших ее сподвижников.

После смерти Кирилла Мефодий был возведен в сан епископа и послан с миротворческой миссией к враждовавшим князьям – Ростиславу и Святополку. По возвращении в Рим папа возвел его в сан архиепископа. Мефодий был определен руководителем большой епархии – Моравии и Паннонии, где с 870 года стал энергично внедрять богослужение на славянском языке. Паннония занимала часть территории современных Венгрии, Австрии, Словении и Хорватии.

Миротворческая миссия Мефодия не дала ожидаемого результата. В 870 году Святополк, поддержанный немецкими князьями, организовал заговор знати и сверг Ростислава. Мефодия обвинили во вмешательстве в чужую епископскую юрисдикцию и бросили в тюрьму. Он просидел три ужасных года и был освобожден только благодаря личному заступничеству папы Иоанна VIII. 6 апреля 885 года Мефодий скончался.

После падения Великоморавского княжества в 905 г., славянский обряд сменился обрядом латинским, но кирилло-мефодиевская миссия чудесно утвердилась и расцвела в Болгарии, где ученики Кирилла и Мефодия нашли убежище. Отсюда же восточное христианство распространилось на другие территории, через соседнюю Румынию на Киевскую Русь, а из нее через Москву на Восток.

Своим гениальным изобретением – алфавитом для славянского языка – Кирилл и Мефодий поистине заложили основы культуры и письменности всех славянских народов. Позднее перевод священных книг, осуществленный ими вместе с учениками, придал новые культурные возможности и достоинства литургическому славянскому языку, который на многие века стал языком не только церковным, но и официальным и литературным и даже языком общения для образованных слоев у большинства славянских народов, прежде всего у славян, принявших восточный обряд. В историческом развитии славян восточного обряда богослужение на славянском языке играло такую же роль, как латинский язык на Западе. Впрочем, оно оказало более непосредственное влияние на образование местных литературных языков благодаря прямому родству с ними.

Кирилл и Мефодий – это созерцатели и деятели, философы и предприниматели. Как раз в этом сочетании созерцания и действия, мечты и миссии, рождается лидерство. Умирая, Кирилл сказал Мефодию: «Мы с тобой, как два вола, вели одну борозду. Я изнемог, но ты не подумай оставить труды учительства и снова удалиться в монастырь».

Мышление и действие солунских братьев было очень ново. Они шли против течения. В отличие от греческих и латинских интеллектуалов того времени, они не признавали преимущества византийской или латинской культуры над культурой других народов. Они понимали, что христианство не монокультурно, а транскультурно.

Братья были убеждены в том, что каждый народ должен иметь свое письмо, на своем языке, и через это приобщаться ко всему лучшему в мировой культуре. Но в Европе IX века многообразие было совсем не модно. После переселения молодых народов западное христианство сплывало пришлые этнические группы с коренными латинскими народностями, с помощью Римской Церкви распространяя между всеми, с намерением объединить их, латинский язык, латинскую литургию и культуру. Из достигнутого тем самым единообразия в относительно юном, становящемся обществе рождалось ощущение силы и сплоченности, способствовавшее как более тесному внутреннему единству, так и

более энергичному самоутверждению в Европе. Можно представить себе, что в подобных обстоятельствах всякое отличие воспринималось порой как угроза еще хрупкому единству, и сколь велико могло быть искушение искоренить такое отличие, даже прибегая к насилию.

Кирилл и Мефодий убедительно показывали, что только многообразная церковь может быть единой, святой и апостольской. Подлинное единство требует многообразия. В Венеции, перед представителями церковной культуры, не понимавшими его, Кирилл говорил: «Разве вам не стыдно утверждать только три языка (еврейский, греческий и латинский), полагая, что все другие народы и племена слепы и глухи! Ответьте мне: вы говорите так, потому что считаете Бога столь немощным, что Он не в состоянии наделять таким даром, или столь злобным, что Он не желает этого делать?».

В отличие от патриарха Фотия, Кирилл и Мефодий не испытывали вражду к Римской Церкви. Хотя они вышли из Константинопольской Церкви в то самое время, когда Фотий находился в борьбе с Папой Николаем, они решительно не приняли никакого участия в ней. И когда эта борьба достигла наибольшего напряжения, Кирилл и Мефодий, теснимые немецким духовенством, искали защиты у Папы.

Мефодий претерпел клевету и физические преследования, но остался верным своей миссии. Он остался верным Византийской Церкви, воспитавшей его и пославшей миссионером вместе с Кириллом. Он остался верным Римской Церкви, поручившей ему должность архиепископа. Он остался верным новорожденной Церкви на славянских землях, которую он мужественно защищал перед церковными и гражданскими властями.

В 1980 году римский понтифик Иоанн Павел II провозгласил Кирилла и Мефодия сопокровителями Европы.

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВ (1939–2017)

«Добродетели важнее правил»

Станислав Петров – советский офицер, который осенью 1983 г. предотвратил потенциальную ядерную войну. На командном пункте Серпухов-15 он возглавлял дежурную смену, в ходе которой автоматическая система раннего обнаружения засекла многочисленные старты межконтинентальных баллистических ракет с одной из американских военных баз. Во главе СССР стоял крайне жесткий, к тому же смертельно больной руководитель – Юрий Андропов. Нет сомнений, что, получив информацию о ядерном нападении США, он немедленно

принял бы решение о сокрушительном ответном ударе.

Однако, несмотря на то, что компьютер системы обнаружения оценил вероятность нападения как 100-процентную, подполковник Петров отказался выполнить должностные инструкции и сообщить о нападении наверх. Его смутило то, что все запуски американцы осуществили с одной единственной базы. Петров отключил сигнал тревоги и поручил своей команде заново проверить данные системы. Этот приказ грозил ему военным трибуналом. Но Петров оказался прав – оптика спутников-шпионов приняла солнечные блики на поверхности высоких облаков за ракетные шлейфы. Петров сделал не то, что подсказал ему закон, а то, что подсказали ему его добродетели (самообладание, благоразумие и мужество).

ЧЕСЛИ САЛЛЕНБЕРГЕР (1951-Х)

«Добродетели важнее инструкций»

Чесли Салленбергер – командир лайнера Airbus A320 рейса 1549 US Airways, 15 января 2009 года после отказа всех двигателей посадивший самолет на воду реки Гудзон и спасший жизни всех бывших на борту 150 пассажиров. В истории авиации всего 11 случаев посадок пассажирских авиалайнеров на воду. Этот случай – четвертый, где не было ни одной жертвы. 59-летний Чесли Салленбергер – бывший военный летчик, эксперт в области безопасности полетов и пилотированию планеров.

Рейс 1549 вылетел из аэропорта «Ла Гуардия» Нью-Йорка в Северную Каролину, однако буквально через минуту после взлета в оба двигателя самолета попали птицы.

По инструкциям капитан должен был вернуться в аэропорт. Но в несколько секунд взвесив все за и против, он принял решение посадить самолет на воду, предупредив об этом пассажиров. Пилотам удалось развернуть лайнер, взлетающий на север, на юг, спланировать над рекой Гудзон, и приводнить лайнер напротив 48-й улицы Манхэттена. Всего самолет пробыл в воздухе (с момента взлета до приводнения) около 7 минут.

Салленбергер сделал не то, что подсказал ему закон, а то, что подсказали ему его добродетели (самообладание, благоразумие и мужество).